ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА[1]

Трактат *У-цзы бинфа* 吳子兵法 – «У-цзы. Искусство войны» (букв. «Мудрец У о методах ведения войны») является вторым по своей известности после *Сунь-цзы бин фа* в ряду трактатов так называемой *бинцзя* 兵家 – «военной школы» (подробнее о трактате *Сунь-цзы бинфа* и его месте в китайской мысли см. [Сунь-цзы, 2016, с. 5–25]). Два труда ее главных представителей – Сунь У 孫武 (544–496 гг. до н.э.) и У Ци 吳起 (440–381 гг. до н.э.) по праву вошли в наследие китайской философской мысли классического периода эпохи Восточного Чжоу – VIII–III вв. до н.э., когда были созданы все великие труды жанра *цзы* 子 – «мудрец ... о...», основополагающие для главных философских направлений китайской мысли (конфуцианство, даосизм, легизм) – *Лунь Юй* 論語, *Мэн-цзы* 孟子, *Мо-цзы* 墨子, *Чжуан-цзы* 莊子, *Хуайнань-цзы* 淮南子, *Ле-цзы* 列子, *Ханьфэй-цзы* 韓非子, *Сюнь-цзы* 荀子 и пр.

Историческая эпоха

Восточное Чжоу 東周 (771–221 гг. до н.э.) – «классическая» эпоха китайской древности, время полицентризма,

[1] Автор благодарит своего научного руководителя к.и.н. М.Ю. Ульянова за поддержку и ценные советы в подготовке предисловия.

когда на территории Китая сосуществовало множество самостоятельных государств — подразделяется на два периода — Чуньцю 春秋 (771–453 гг. до н.э.) — «Весны и осени» (название связано с традиционным наименованием погодных исторических хроник царств этого периода, одна из которых — хроника царства Лу — дошла до нас под этим наименованием) и Чжаньго 戰國 (453–221 гг. до н.э.) — «Сражающиеся царства». Название последнего периода говорит само за себя, именно в это время на исторической арене остались семь самых сильных царств.

Центральные царства Чжао 趙, Вэй 魏 и Хань 韓 образовались в результате разделения в конце периода Чуньцю (что и стало маркером начала периода Чжаньго) крупного царства Цзинь 晉. С юга они были окружены двумя огромными царствами — Цинь 秦 на юго-западе и Чу 楚 на юго-востоке; с северо-востока царства Чжао и Вэй граничили с царствами Ци 齊 и Янь 燕, перекрывавшими им ближайший выход к морю (см. карту). Таким образом, царство Вэй находилось в двойственном стратегическом положении, с одной стороны, занимая центральную часть китайской ойкумены и имея прямой доступ к главному аграрному ресурсу Китая — Великой равнине, но, с другой стороны, пребывая в окружении и под постоянным давлением царств, стремящихся этот ресурс заполучить. Прежде всего таким было царство Цинь, активно пробивавшее себе путь на восток именно с целью выхода на Великую равнину. В конце концов в 221 г. до н.э. это движение длиной в несколько веков приведет к объединению страны и созданию первой китайской империи во главе с Цинь Шихуаном 秦始皇 — «первым августейшим императором Цинь»). Царство Вэй, в свою очередь, считалось (и во многом являлось) центром культурной и интеллектуальной жизни того периода. Однако, будучи таковым, оно также было и одним из главных претендентов на объединение страны под своей властью. И хотя в итоге первую китайскую империю преимущественно

Царства периода Чжаньго
Янь
Чжао
Бохайский залив
Хуанхэ
Хуанхэ
Ци
Вэй
Желтое море
Вэйхэ
Хань
Хуайхэ
Ханьшуй
Цинь
Чу
Янцзы
Янцзы
Чжоуский домен
Пограничные стены
100
200
300
400
500 miles

военным путем, подчинив шесть других «воюющих царств», собрало все же не Вэй, а Цинь, долгое время именно Вэй считалось интеллектуалами той эпохи главным претендентом на власть надо всей Поднебесной. Поэтому к политической элите царства Вэй — ее *ванам* 王 (высший знатный титул правителя) и *хоу* 侯 (следующий после *вана*) часто являлись различные мудрецы-мыслители, чья рефлексия на тему места царства Вэй в Поднебесной породила целый пласт философских памятников в жанре *цзы*, классическим из которых является *Мэн-цзы*, открываемый диалогом философа Мэн Кэ с *ваном* царства Вэй. К этому же ряду относится и *У-цзы бинфа* — его автор У Ци также общался с правителями царства Вэй Вэнь-хоу 文侯 и его сыном 武侯 У-хоу, что и легло в основу трактата, перевод которого вы держите в руках.

Жизненный путь У Ци — автора трактата У-цзы Бинфа

У Ци родился в самом начале периода Чжаньго, в 440 г. до н.э., когда еще сохранялись многие царства предыдущего периода, и «игроков» на карте было больше семи, а значит, и стратегическое мышление все еще тяготело ко времени Чуньцю. По сути, У Ци, формально будучи первым полководцем-мыслителем Чжаньго, в действительности стал вторым после Сунь У, осмыслявшим стратегию предыдущего периода Чуньцю и оставившим столь значимый письменный памятник. Значимость его фигуры, то, что именно он был вторым после Сунь-цзы важнейшим представителем школы *бинцзя* и безоговорочно первым в собственно самом насыщенном сражениями периоде Чжаньго, понимал уже «отец китайской истории», первый китайский историограф Сыма Цянь 司馬遷 (145–86 гг. до н.э.), автор *Ши цзи* 史記 «Исторических

записок», первого китайского сводного исторического сочинения в жанре *чжэнши* 正史«официальной истории». Однако же именно Сыма Цянь, объединив в 65 главе (*Сунь-цзы У Ци лечжуань* 孫子吳起列傳 «Жизнеописание Сунь-цзы и У Ци» [Ши цзи, 1959, с. 2165–2169; Исторические записки, 1996, с. 48–55]) своего труда биографии двух полководцев-мыслителей, заложил традицию рассмотрения фигуры У Ци в тандеме с Сунь У[1], а трактата У-цзы — в связи с трактатом Сунь-цзы, при том, что первый всегда оставался в тени последнего[2]. Так или иначе, все сведения о полководцах мы черпаем оттуда, более письменных свидетельств их жизненного пути не сохранилось.

Первое, что мы узнаем об У Ци помимо его происхождения[3] — то, что он *хао юн бин* 好用兵 [Ши цзи, 1959, с. 2165], что в данном контексте можно перевести как «любил военное дело»[4]. При этом реальных его военных дел биография приводит мало, всего лишь две наступательные операции — сначала разбил войска царства Ци, напав на них первым, будучи наемным полководцем на службе в царстве Лу (чтобы доказать

[1] Примечательно, что хотя по фамилиям «Сунь» 孫 и «У» 吳 объем распределен ровно, но в действительности 1120 иероглифов отведено роду Сунь, а именно Сунь У 孫武 и его потомку Сунь Биню 孙膑, из которых собственно Сунь У посвящено лишь 406 иероглифов, тогда как жизнеописание одного У Ци 吳起 больше на 650 иероглифов — оно занимает 1056. Это как минимум позволяет утверждать, что сведений об У Ци Сыма Цяню удалось добыть значительно больше.

[2] Это заметно и по хронологии переводов на русский язык — *Сунь-цзы бинфа* переводился на русский язык подполковником Е.И. Сидоренко в 1955 г., а *У-цзы бинфа* — в 1957 г. У-цзы бинфа в переводе автора классического перевода *Сунь-цзы бинфа* академика Н.И. Конрада также был опубликован значительно позже — в 1977 г., спустя 27 лет после публикации перевода труда Сунь У.

[3] У Ци родом из царства Вэй 衛, которое в дальнейшем будет поглощено другим царством Вэй 魏.

[4] См. также пер. Р.В. Вяткина [Исторические записки, 1996, с. 51], там же можно прочитать и перевод всей биографии У Ци.

Дж. Кастильоне.
Император Айсиньгёро Хунли (Цяньлун) на коне.
XVIII в.

свою лояльность Лу и наняться на службу, У Ци ни много ни мало убил свою жену, бывшую родом из царства Ци) [Ши цзи, 1959, с. 2165; Исторические записки, 1996, с. 52], а затем уже на службе в царстве Вэй, будучи назначен полководцем после положительной рекомендации, которую вэйский правитель Вэнь-хоу испросил у своего чиновника Ли Кэ 李克, атаковал царство Цинь и занял пять циньских укрепленных городов [Ши цзи, 1959, с. 2166; Исторические записки, 1996, с. 52]. Этот последний, весомый успех так впечатлил Вэнь-хоу, что он назначил У Ци начальником области Сихэ 西河[1] с целью ее оборонять — эта функция была не уникальна для У Ци, так как все начальники областей (как в то время, так и позднее) обозначались иероглифом *шоу* 守 «оборонять» именно потому, что одной из главных их функций была оборона от внешних вторжений. Однако, видимо, именно здесь, в месте смычки ключевых царств Великой равнины, правителю Вэй особенно потребовался искусный полководец. После смерти Вэнь-хоу У Ци остался там служить и его сыну У-хоу. Отметим, что сам У Ци не слишком был рад назначению — жизнеописание сохранило его диалог с вэйским высшим чиновником — первым министром Тянь Вэнем 田文, в котором явно сквозит недовольство и желание большего; впрочем, возможно, за этим скрыта некая более серьезная политическая борьба, так как преемник Тянь Вэня инициировал против У Ци интригу, в результате которой тот вынужден бежать в царство Чу на службу к местному *вану* [Ши цзи, 1959, с. 2166–2168; Исторические записки, 1996, с. 53–54].

Правитель Чу, Дао-ван 悼王, наслышанный о его достоинствах, принял его и сразу назначил на ту самую, вожделенную должность первого министра. Жизнеописание

[1] Согласно комментарию Р.В. Вяткина [Исторические записки, 1996, с. 317], это земли в междуречье рек Хуанхэ 黄河 и Цзиншуй 涇水 в месте, где смыкаются царства Вэй, Чжао и Ци.

свидетельствует, что в этом качестве он был весьма успешен, проводя жесткую и эффективную политику как в гражданской так и в военной сфере, благодаря чему Чу значительно расширилось территориально (обретя границы, представленные на карте выше) [Ши цзи, 1959, с. 2168; Исторические записки, 1996, с. 54].

В царстве Чу У Ци достиг максимальной реализации своих талантов и пика в возможной в то время карьере. Однако его бескомпромиссность в управлении возмутила чускую знать, и он был жестоко убит представителями высшей элиты, в том числе родней вана, сразу после смерти самого правителя. Убийство получилось удивительным — У Ци пытался укрыться от преследования в погребальном склепе вана (!), но его догнали и убили, повредив при этом тело покойного Даована (!!). Осквернение родового склепа таким образом — дело настолько неслыханное, что преемник вана тут же приказал казнить всех причастных к повреждению тела. Как сообщает Ши цзи, в итоге в связи с этим было полностью истреблено более семидесяти (!!!) семей в трех поколениях. [Ши цзи, 1959, с. 2168; Исторические записки, 1996, с. 54].

Это число — наглядная демонстрация того, как далеко У Ци зашел в своем управлении и скольким влиятельнейшим людям прямо перешел дорогу, а значит, насколько он был несведущ в тонкостях компромиссов политической борьбы в гражданской сфере. Такой печальный конец говорит нам о том, что У Ци, увы, не был достаточно хитер и тонок в придворных интригах и его уделом все же оставалось чисто военное искусство. Вывод этот настолько очевиден, что Сыма Цянь в своем резюме историографа делает его прямо, без обиняков (мы процитируем здесь перевод Р.В. Вяткина): «У Ци убеждал У-хоу, что добродетель важнее природных условий и рельефа местности. Но ему пришлось бежать в Чу, где лишился жизни из-за собственной жесткости и недостатка милосердия. Как это прискорбно!» [Ши цзи, 1959, с. 2169;

Исторические записки, 1996, с. 55]. Важно уточнить для читателя, что употребленное Сыма Цянем понятие *энь* 恩 — «доброта», «милосердие» явно корреспондирует с понятием *дэ* 德 — «добродетель», «сакральная сила правителя», о котором У Ци говорил с правителем Вэй в бытность начальником области Сихэ, указывая на его важность для защиты государства [Ши цзи, 1959, с. 2166–2167; Исторические записки, 1996, с. 53]. Историограф в этой одной фразе укоряет У Ци дважды: и в связи с его циничной жестокостью к близким людям в личных целях (убийство жены), намекая, что такой человек говорит о добродетели *дэ*, не будучи при это добрым *энь*, и в связи с тем, что в делах политических ему тоже не хватило сговорчивости, милости и сострадания — все эти значения иероглиф *энь* также имеет.

Статус трактата У-цзы Бинфа у современников и история его передачи

Таким образом, можно утверждать, что во времена Сыма Цяня (II в. до н.э.), спустя три столетия после смерти, У Ци воспринимался именно как военный стратег, знания которого важны именно в военном деле; в то же время как политик и мыслитель он не был в большом почете у потомков. Впрочем, подобное отношение у историографа было и к труду Сунь У, и сообщая нам об их произведениях (а это важнейшая для нас деталь с точки зрения истории их передачи!), Сыма Цянь высказывается вскользь: «То, что в народе принято называть войсковым (*шилюй* 師旅), описано в тринадцати главах “Сунь-цзы” и “Методах ведения войны” (*бинфа* 兵法) У Ци; в народе они много у кого имеются, поэтому тут мы обсуждали не их, а действия и дела их авторов». Из этой фразы мы узнаем,

Фигура воина периода империи Мин (1368–1644).
Музей Метрополитен

что ко II в. до н.э. в трактате Сунь-цзы уже было тринадцать[1] глав (*пяней* 篇), а вот про У-цзы мы понимаем только то, что он также бы широко распространен[2]. Однако благодаря наличию в следующей после *Ши цзи* официальной истории – *Хань шу* 漢書 «Истории (империи) Хань» специального библиографического трактата *И Вэнь чжи* 藝文志 мы имеем более конкретные сведения и знаем о наличии в I в. н.э. (время создания *Хань шу*) 48 глав (*пяней*) трактата У-цзы, который тогда назывался *У Ци бинфа*: *У Ци бинфа сыши ба пянь* 吳起兵法四十八篇 [Хань шу, 1962, с. 1757].

В данном контексте возникает важный вопрос о разнице значения иероглифа *пянь* в *Ши цзи* и *Хань шу* – ведь *Ши цзи* сообщает нам о 13 главах-*пянях* в трактате Сунь-цзы, а *Хань шу* говорит о 82 *пянях* в нем же, собранных в девять *цзюаней* 卷 [Хань шу, 1962, с. 1756]. Очевидно, дело в том, что под «главами» в случае с библиографическим списком *Хань шу* следует понимать *цзюань* (свиток из дощечек), тогда как *пянь* (набор из дощечек) – это раздел, т.е. *цзюани* включают в себя *пяни*. Такое понимание ситуации требует озвучить два важных тезиса:

1. На момент регистрации в библиографическом трактате *И вэнь чжи* подразделение текста *У-цзы бинфа* на *цзюани* не было принято (в отличие от трактата Сунь-цзы, 82 *пяня* которого делились на 9 *цзюаней*), он воспринимался только как набор *пяней*.

2. Следовательно, современное его разделение на шесть более крупных глав-*цзюаней* могло быть осуществлено только позднее, что неизбежно подразумевает процесс некой редактуры, во время которой в числе прочего было произведено

[1] Как и в современной версии трактата Сунь-цзы.

[2] Причем оба трактата не обладали особым авторитетом среди гражданской интеллигенции – об этом ярко свидетельствует слово *шилюй* 師旅, которое в грубом варианте интерпретации подразумевает нечто «солдафонское», не достойное чьего-либо внимания, кроме военных.

обобщение изложенных в трактате тем в шесть крупных блоков, которым были даны названия, что и сформировало в конечном итоге шесть глав в современной версии.

Соответственно, важной задачей, вставшей перед нами в процессе перевода, было выяснение того, насколько дошедший до нас памятник соответствует отмеченной в библиографическом списке Ханьской эпохи версии из 48 разделов – дошел ли до нас памятник в поврежденном, не полном виде, или же современная версия, так или иначе близка к ходившей две с лишним тысячи лет назад. Чтобы понять это, необходимо было внутри шести крупных глав-*цзюань* выделить разделы-*пянь*, исходя из структурных и содержательных критериев. В случае, если количество выделенных разделов оказалось бы близко к числу 48, вполне допустимо было бы считать, что значительных потерь объема при передачи труда У Ци не произошло.

По результатам структурного и содержательного анализа памятника и его последующего перевода мы пришли к выводу, что современная версия дошла до нас без значительных потерь, так как количество выявленных разделов-*пяней*, сопоставимо с числом 48 – нами было выделено 42 раздела диалогов У-хоу и У Ци, а также вступительные и заключительные разделы, что в общей сложности составляет 44 структурных единицы. Для целостного восприятия памятника после вступления начиная с первой главы и первого раздела и до шестой главы и сорок второго раздела нами была применена сквозная нумерация разделов, чтобы читатель мог представить себе, как выглядел трактат до редакторского разделения на главы[1]. При этом нужно иметь

[1] Кроме того, очевидно, именно редакторами было написано вступление-предисловие, предваряющее шесть глав. Такой вывод продиктован особенностями структуры и содержания, предисловия, о чем сказано в следующем разделе, посвященном содержанию трактата.

в виду, что изменения, внесенные в памятник в процессе его редактуры, и обобщения *пяней* в большие тематические главы *цзюань*, очевидно, могли быть не только структурными (как, например, в главе шестой, состоящей всего из одного, непропорционально большого по отношению к другим, раздела), но и смысловыми. Это нам с тобой, читатель, конечно, необходимо помнить, составляя о нем свое впечатление. И чтобы облегчить понимание, рассмотрим подобнее его структуру и содержание.

Структура и содержание трактата У-цзы Бинфа

Методика текстологического анализа, примененная нами здесь для понимания внутренней структуры текста, уже была использована нами при переводе трактата Сунь-цзы (подробнее см. [Сунь-цзы, 2016, с. 5–25]). Напомним, что она основана на выявлении параллельных конструкций в тексте. В случае с *У-цзы бинфа* применение этого метода текстологического и структурного анализа текста позволило по-новому взглянуть на жанр этого трактата. Деление текста на структурно-смысловые параллельные конструкции, так называемые параллелизмы (проведенное в отношении трактата впервые в отечественном китаеведении), показало, что он структурно систематизирован в гораздо большей степени, чем трактат *Сунь-цзы бинфа*. Текст *У-цзы бинфа* очевидно разделяется на параллельные конструкции, состоящие либо из трех, либо (чаще всего) четырех, либо (реже) из шести иероглифов, периодически перемежаемых одиночными служебными иероглифами, среди которых наиболее часто встречаются соединительные элементы — союзы, такие как подчинительный союз *гу* 故 «поэтому»